

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

УДК 94(470)"1918":930.2

doi: 10.17072/2219-3111-2016-3-129-137

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЙ СПОР О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ХОЛМЩИНЫ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПОЛЬСКОГО ЕПИСКОПАТА С ВАТИКАНОМ)

М. А. Булахтин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
bulachtin@yandex.ru

Рассматривается отношение представителей польской и украинской элит к урегулированию «Холмского вопроса» в Брестском договоре, заключенном 9 февраля 1918 г. между центральными державами и Украиной. Особое внимание уделяется анализу аргументов польского епископата в защиту польского характера Холмщины. Впервые вводится в научный оборот докладная записка польских епископов по «Холмскому вопросу», адресованная папе римскому Бенедикту XV.

Ключевые слова: Польша, Украина, Холмщина, польские епископы, униаты.

Первая мировая война и революционные события в России в 1917 г. способствовали подъему национальных движений в Центрально-Восточной Европе, оживили надежды угнетенных народов на создание собственных национальных государств. Политическим элитам этих народов предстояло проделать огромную работу по формированию основ национальной государственной жизни, в том числе решить наиболее сложную задачу – установить государственные границы. Борьба за границы в этой части Европы имела особую остроту в связи с тем, что предметом споров оказались многонациональные территории, входившие в состав Речи Посполитой до ее разделов в XVIII в. К числу таких спорных областей относилась и Холмщина.

Этот регион оказался в центре общественного внимания еще накануне войны. Центральные власти Российской империи, желая защитить восточнославянское население царства Польского от полонизации, приняли решение создать на основе восточных уездов Люблинской и Седлецкой губерний Холмскую губернию. Соответствующий закон был принят Государственной думой и подписан императором в июне 1912 г. Холмская губерния была изъята из управления варшавского генерал-губернатора и подчинена министру внутренних дел. В судебном отношении губерния присоединялась к округу Киевской судебной палаты, ее учебные заведения были подчинены попечителю Киевского учебного округа.

Административное обособление Холмщины было продиктовано и другим важным обстоятельством. Как вспоминал российский сановник С. Е. Крыжановский, «по официальной, никогда не высказанной мысли, мера эта имела целью установление национально-государственной границы между Россией и Польшей на случай дарования царству Польскому автономии» [Польша в XX веке..., 2012, с. 49]. Действительно, выведение Холмской губернии из состава Царства Польского в 1915 г. свидетельствовало о серьезности намерений правительства предоставить этому региону автономный статус [Польша в XX веке..., 2012, с. 73].

Холмский вопрос был предметом переговоров между делегацией Украинской народной республики (УНР) и представителями центральных держав в Брест-Литовске в декабре 1917 г. – феврале 1918 г. Как вспоминал член германской делегации генерал М. Гофман, присоединение

Холмщины к Украине являлось для украинской стороны условием, без которого не мог быть заключен мирный договор (*Hoffmann*, 1929, S. 154). В результате в подписанном 9 февраля 1918 г. соглашении значительная часть Холмщины была признана за Украиной. В своем письме в Вену министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин предлагал «умерить» ожидаемые протесты поляков, «опираясь на крылатое слово о праве самоопределения народов» [*Михутина*, 2007, с. 231]. Однако, чтобы уменьшить это недовольство, в дополнительном протоколе к договору было оговорено, что указанная в нем линия границы между Украиной и Польшей не является окончательной и по решению смешанной комиссии может быть сдвинута к востоку, «исходя из этнографических условий и пожеланий населения» [*Михутина*, 2007, с. 249].

Украинцы с воодушевлением восприняли результаты достигнутых договоренностей. Известный украинский политик К. Левицкий отмечал, что Брестский мир вернул Холмщину украинцам и положил конец польской экспансии на восток (Повідомлення..., 2009, с. 105). Он отвергал претензии поляков на эту область и утверждал, что их желание сохранить здесь свое господство не оправдано ни современной этнической ситуацией в регионе, ни его историей. Вплоть до XIV в. Холмщина принадлежала украинскому государству и никогда не утрачивала своего национального своеобразия (Повідомлення..., 2009, с. 106).

Брестский договор поддержал глава украинской греко-католической (униатской) церкви митрополит А. Шептицкий. В своем выступлении на заседании палаты господ австрийского парламента 28 февраля 1918 г. он заметил, что без решения «Холмского вопроса» вообще вряд ли был бы возможен мир с Украиной (*Stenographische Protokolle...*, 1918, S. 809). Все украинцы, по его мнению, рассматривают Холмщину как древнейшую украинскую территорию, которая не только этнографически тесно связана с Украиной, но и целые столетия входила в состав украинского государства – Великого Киевского княжества и Галицко-Волинского княжества. «С этой землей связаны прекрасные культурные и исторические традиции народа... Героическое самопожертвование за веру, добровольная мученическая смерть холмских униатов-украинцев были и остаются на все времена свидетельством украинского характера, присущего этой земле на протяжении многих столетий», – подчеркивал А. Шептицкий (*Stenographische Protokolle...*, 1918, S. 809).

Митрополит считал большим успехом заключение мира на Восточном фронте и установление «истинной дружбы» между Австро-Венгрией и украинским государством и выражал уверенность в том, что это событие с «железной необходимостью» приведет к заключению
мира.

А. Шептицкий обращал внимание на то, что старые принципы государственного устройства и миропорядка после войны будут заменены новыми, в большей степени соответствующими жизни и потребностям народов. К таковым он относил право наций на самоопределение и установление границ между государствами по этническому принципу (*Stenographische Protokolle...*, 1918, S. 810).

Митрополит отмечал, что, хотя в Брестском договоре формально ничего не сказано о праве наций на самоопределение, это право стало ведущей идеей договора: стороны хотели провести границы между территориями, опираясь именно на этот принцип. В дополнительных примечаниях к договору он видел эту идею выраженной еще более четко.

А. Шептицкий полагал, что преимуществом территориального разграничения по этническому принципу является исключение возможности доминирования одной нации над другими (*Stenographische Protokolle...*, 1918, S. 811). По его мнению, крупнейшим достижением этой войны стало восприятие подобной гегемонии как пережитка прошлого.

Подчеркивая заслуги папы римского Бенедикта XV в деле достижения всеобщего мира, А. Шептицкий заметил, что его устремления совпали с усилиями украинского государства в этом направлении. Такое согласие, по мнению митрополита, может стать предвестником полного сближения украинского государства, находящегося на пересечении влияний восточной и западной культур, со «святым центром христианского мира». «Триста лет назад в Бресте иерархами всей украинской церкви было принято решение объединиться с апостольским престолом. Тогда это удалось осуществить лишь в совсем небольшом масштабе. Несмотря на тяжелейшие преследования со стороны русской церкви и русского государства и некоторые

крупные ошибки и небрежности со стороны тех, кто был призван способствовать развитию этого дела, но ему не способствовал, миссионерское дело выстояло. Кровавые преследования нашего народа в Холмщине и русское наступление (1914–1915 гг.) в Галиции, казалось, означали, что бьет последний час истории униатской церкви. Мы уже считали себя свидетелями полного уничтожения нашей церкви и последними представителями этого направления. Но чудесный поворот благодаря Всемогущей Воле оживил надежду на более широкое будущее», – заключил митрополит (Stenographische Protokolle..., 1918, S. 811–812).

Польская сторона крайне болезненно восприняла положения Брестского договора с Украиной. «Австрия нас продала», – заявил премьер-министр Польского королевства Я. Кухажевский, узнав о достигнутых соглашениях (*Jaworski*, 1997, s. 247). «Варшава пережила бы потерю Львова, но не переживет потерю Холмщины», – записал в своем дневнике галицийский политик В. Л. Яворский (*Jaworski*, 1997, s. 247).

Известие о содержании договора вызвало чувство горечи и возмущения в широких слоях польской общественности. Будущий премьер независимой Польши В. Витос в своих воспоминаниях отмечал, что этим договором центральные державы «уготовили нам... такую страшную вещь, какой не ожидали даже самые большие пессимисты» (*Witos*, 1998, s. 406). По словам польского историка А. Чубиньского, признание за Украиной территорий Холмщины, перспектива передачи под украинское управление Восточной Галиции, планы Германии оторвать от Польши Лодзинский промышленный округ и включить его в состав Пруссии, поддержка идеи создания самостоятельного литовского государства (со столицей в Вильно), простирающегося вплоть до Люблина, – все это сужало польскую территорию до нескольких воеводств центральной Польши и не могло не вызывать решительного протеста поляков [*Czubiński*, 1994, s. 96].

К борьбе за Холмщину подключились и польские епископы. Позицию церковных иерархов раскрывает докладная записка польского епископата по «Холмскому вопросу», адресованная папе римскому Бенедикту XV. Автором документа, датированного 30 мая 1918 г., был архиепископ Ю. Теодорович, не раз составлявший коллективные послания польского епископата. В связи с тем, что этот ценный источник пока не введен в научный оборот, представляется целесообразным остановиться на его содержании.

В своем послании Бенедикту XV епископы подробно осветили исторические, национальные и религиозные мотивы протестов поляков против отделения Холмщины от Польши. Пояснялось, в частности, что историческая область Холмщина состояла из двух частей: на юге – из собственно Холмской земли, на севере – из Подлесья. Епископы отмечали, что Холмская земля с давних времен принадлежала Польше и лишь в годы междоусобной борьбы между польскими князьями в начале XIII в. на полтора столетия перешла в руки галицко-владимирских князей, что и положило начало русской колонизации в регионе (WAPO. T. 127. 45/155 [8]. К. 2). После непродолжительного господства здесь литовских князей эта область в 1366 г. была завоевана польским королем Казимиром Великим, и с тех пор она постоянно принадлежала Польше. При создании герцогства Варшавского в 1807 г. Холмская земля вошла в его состав. Венский конгресс в 1815 г. сохранил этот край в границах царства Польского.

Епископы подчеркивали, что если Холмская земля не была русской территорией, то тем более таковой не являлось Подлесье. В давние времена Подлесье населяло «воинственное литовское племя» ятвягов, постоянно совершавших набеги на соседние территории. Польские и русские князья вели с ними ожесточенные сражения, в ходе которых ятвяги постепенно были полностью уничтожены. Поляки уже в конце XII в. овладели различными районами Подлесья. С конца XIII в. и до середины XIV в. правители Подлесья часто менялись. Немного там правил русский князь, затем попеременно польские и литовские князья. С 1444 г. Подлесье вошло в состав Литвы. Однако в 1569 г. сейм в Люблине, «идя навстречу общему требованию населения», признал эту территорию за Польшей. После Венского конгресса западная и южная части Подлесья остались в составе царства Польского (WAPO. T. 127. 45/155 [8]. К. 2).

Епископы указывали на то, что Холмщину связывает с Польшей также состав населения. Отмечалось, что Холмская земля представляет собой польско-русское пограничье. С юго-

востока ее колонизировали «русские», с запада – поляки (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 3). О том, что польское население было коренным и с давних пор проживало в Холмской земле, свидетельствовали, по мнению епископов, важные исторические моменты. Так, шляхта этой области в значительной своей части имела польские гербы. Местные суды с начала XV в. были польскими и судили в соответствии с польским правом. Язык в судах и земских сеймиках (органы самоуправления) был польским. Судебные книги велись на польском языке (как это было в Польском королевстве), а не на «русском». В крае действовали около 60 римско-католических костелов. Они были основаны в XIV–XV вв. и предназначались для польского населения, а не для «русского», которое в то время было «схизматическим» (православным).

Еще более польским было Подлесье. После уничтожения ятвягов эту территорию колонизовали польские помещики из Мазовии и лишь в незначительной степени в самых дальних восточных районах за Бугом – «русские» с Волыни. По мнению епископов, о польском присутствии здесь свидетельствовали польские фамилии мелкой шляхты, указанные в воинских списках с начала XVI в., судебные книги, которые велись с середины XV в. не на «русском», а на латинском языке (как это было в Польском королевстве), причем с частым включением польских оборотов. Литовские князья в период пребывания Подлесья в составе Литвы (вторая половина XV – первая половина XVI в.) признавали за местным населением право жить по польским законам. Тем самым они стремились предотвратить повторение восстания 1440 г., когда местное население пыталось «оторваться» от Литвы и присоединиться к соседней польской Мазовии (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 3). Важным доказательством «польскости» данного региона епископы считали также требование помещиков Подлесья к литовским властям вести с ними переписку на польском или латинском языках, поскольку «русское» письмо, которое использовалось в Литве, у них никто не понимал (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 3–4).

Епископы отмечали, что события последней трети XIX в. также свидетельствовали о польском характере Холмщины. В начальный период преследований униатов в этом регионе российские власти в первую очередь выступили против использования в униатских церквях польского языка (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 4). По мнению иерархов, о «безусловном господстве польского языка и привязанности народа к нему» говорит тот факт, что если униатский священник отваживался произнести проповедь на «русинском» (украинском) языке (за чтение проповеди на основе церковных текстов, привезенных из Галиции, царское правительство обещало платить 100 рублей), то прихожане, особенно в Подлесье, сразу же покидали церковь и заявляли священнику: «Говори нам не по-русински, а по-польски, потому что из этого русинского быстро будет русский» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 4). Священника иногда даже сгоняли с амвона и выпроваживали из церкви, подозревая в отступлении от веры. Многие униатские ксендзы возвращали присланные властями церковные тексты, написанные на «русинском» языке, поясняя, что этот язык прихожанам непонятен.

По оценкам епископов, «упорствующих» униатов в Холмщине было около 80 тыс. человек (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К.5). Несмотря на все «неправильности» при переписи населения, российское правительство так и не смогло создать православное большинство во всех поветах (уездах) региона. По официальной статистике на 1 января 1905 г. в 12 поветах Холмщины проживало 465 406 православных (34% населения). После объявления 17 апреля 1905 г. указа о веротерпимости не только «упорствующие», но и те, кто лишь внешне примирился с православием, перешли в католицизм латинского обряда. В течение 1905 г. таковых оказалось более 118 тыс. человек. В целом, в 1905–1909 гг. в Седлецкой и Люблинской губерниях в католицизм перешли 151 439 человек (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 6).

В послании отмечалось, что в действительности переходов в католицизм было еще больше, просто российские власти не признавали перехода лиц в возрасте от 14 лет до наступления совершеннолетия. Также многие пожилые люди остались записаны православными, поскольку не имели возможности оформить для перехода все необходимые документы.

Епископы обращали внимание на то, что, несмотря на указ о веротерпимости, в

отношении поляков продолжали действовать все правовые ограничения, например, ограничения занимать должности, брать ссуду в Крестьянском банке, пользоваться услугами Грубешовского сельскохозяйственного общества им. С. Сташица (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 7). И если несмотря на все эти ограничения для поляков и «удобства» для православных, в созданной в 1912 г. Холмской губернии православные составляли 31,32% населения (278 311 чел.), а римо-католики – 52,60% (467 432 чел.), то эти показатели, с точки зрения епископов, были лучшим доказательством того, насколько сильным был в этом регионе «польский элемент» (принадлежность к римско-католической церкви в этом крае совпадала с польской национальной самоидентификацией).

Непрочность «демографических основ» православия в Холмщине, полагали епископы, лучше всего продемонстрировали события мировой войны. При отступлении русских войск в 1915 г. значительная часть «русинского» и православного населения покинула эту территорию. В результате в оккупированных австрийцами землях поляки составили около 90% населения (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 7). Несмотря на то что немцы в зоне своей оккупации вели активную агитацию с целью украинизации местного населения, никакого значительного результата их усилия не дали. Косвенным доказательством польской идентичности местных жителей епископы считали воззвание галицких украинцев к населению края, написанное по-польски: «Холмяне! Пора вам перестать слушать обман панов и ксендзов. Это они сделали из вас поляков... И, пожалуй, в последний раз мы разговариваем с вами, используя язык наших притеснителей поляков» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 10).

Епископы указывали на тесную религиозную связь народа Холмщины с Польшей. Они замечали, что такому сближению во многом способствовала политика русского правительства по искоренению греко-католической церкви и насильственному насаждению православия в регионе. Сделав краткий экскурс в историю такой политики, авторы послания отмечали, что борьба с «унией» началась здесь со школьного образования. После польского восстания 1863 г. языком обучения в местных униатских школах стал русский. Это было сделано для того, чтобы с помощью русского языка привить населению чувство русскости и, соответственно, ослабить чувство польскости, овладевшее к тому моменту не только местной интеллигенцией, но и «пассивными народными массами крестьянства». Униаты просили вернуть в школу польский язык, так как «русский совсем не является их родным языком». Однако правительство игнорировало подобные обращения и одновременно с этим запретило принимать униатов в польские школы, предназначавшиеся только для римо-католиков. Население бойкотировало русские школы, и власти принимали меры по принуждению детей из униатских семей посещать эти учебные заведения.

Епископы отмечали, что после русификации школьного образования власти взяли за греко-католическую церковь в Холмщине (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 11). Первые действия против «унии» сопровождалось лозунгом «очищения» греко-католического обряда от римско-католических влияний. Для решения этой задачи были привлечены украинские униатские священники из Галиции, которые «за обещанные ордена и рубли шли во всем на руку русскому правительству и стали иудами холмского народа» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 14). О том, «какого покроя» были эти люди, свидетельствовало, полагали епископы, то обстоятельство, что почти все они (около 100 человек) перешли в «схизму». Отношение к таким священникам со стороны русских, по мнению польских иерархов, отражает высказывание варшавского православного архиепископа Иоанникия: «Когда, Бог даст, дело закончится, эту проклятую галицийскую сволочь я разгону прочь» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 14).

По словам польских епископов, этими «предателями святой веры» власти заменяли местных униатских священников, вывезенных в другие районы России, назначали галичан на должности в Холмской духовной семинарии, чтобы воспитывать молодых священников в нужном направлении. Кандидата на должность холмского епископа правительство также отыскивало среди галицких украинцев. Это был ксендз М. Куземский – враг всего польского и латинского (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 16). «Очищение» греко-католического обряда он проводил не ради удовлетворения пожеланий правительства, а скорее для демонстрации своей украинской, антипольской и антилатинской позиции.

Дело Куземского продолжил другой «непрощеный гость», «иуда» М. Попель, тоже

галицкий украинец (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 17). При нем развернулось такое преследование униатов, которое было сравнимо лишь с преследованием первых христиан (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 18). По данным польских епископов, в 1874–1875 гг. было вывезено в другие районы России или интернировано за пределы Холмщины более 70 местных униатских священников. Примерно столько же их было вынуждено переехать в Галицию. В целом же из всех холмских священников только 18 человек, и то в последний момент, перешли в православие, в то время как прибывшие из Галиции униатские ксендзы в подавляющем большинстве поменяли веру (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 18).

Авторы послания отмечали, что греко-католическое духовенство в Галиции встретило бежавших священников – «мучеников за веру» – очень неохотно и называло их «чужаками». Долгое время им отказывали в предоставлении церковных должностей. Понадобилось вмешательство Ватикана, чтобы местные униатские консистории пошли им навстречу.

Польские епископы отмечали «достойное» поведение простых униатов перед лицом испытаний (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 18). Прихожане не пускали в храм священников, готовых принять «схизматический» обряд, отказывались принимать от них церковные требы, обращались по всем религиозным вопросам в латинский костел, а в случае отсутствия такой возможности молились дома. Люди подвергались арестам, контрибуциям, физическим истязаниям, высылке, погибали, защищая свою веру.

Обращалось внимание на то, что в целях полной изоляции «упорствующих» римско-католическим священникам под страхом тяжелого наказания власти запретили совершать церковные требы для униатов, закрывали латинские костелы (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 20–21). Однако народ продолжал сопротивляться. Для крещения, исповеди, венчания люди направлялись в польские храмы, расположенные во внутренних районах Царства Польского, ездили в Галицию к римско-католическим священникам в поисках «религиозного утешения» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 21). Польские священники (чаще всего иезуиты) проникали и в саму Холмщину для тайного проведения церковных служб. Многие из них за свою самоотверженность были наказаны и подвергнуты тюремному заключению в России.

Исходя из сказанного становилось понятно, почему после стольких лет преследований многие тысячи бывших униатов в Люблинской и Седлецкой губерниях с изданием 17 апреля 1905 г. указа о веротерпимости перешли из православия в католицизм, но уже не в греческий, а в латинский обряд, стремясь навсегда избежать угрозы возвращения в православие. «Таков был результат тридцатилетнего обращения в схизму, которое сильнейшим образом связало этот народ с Польшей, потому что у него римская вера и польскость – это одно и то же. Эти понятия у него срослись, так как за них его преследовали и одновременно хотели в нем (эти понятия. – М.Б.) искоренить, так как с запрета петь религиозные песни по-польски и произносить проповеди по-польски преследование и началось. В течение 30 лет преследований этот народ видел только польских священников, которые с риском для жизни прокрадывались из Галиции под видом купцов, врачей, даже нищих, чтобы нести ему религиозное успокоение..., польскими были у него также богослужебные книги и буквари, которые он хранил как самые дорогие сокровища, хотя за это ему грозила высылка и Сибирь», – отмечалось в послании (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 21–22).

Епископы утверждали, что, по их сведениям, в 1916 г. представители греко-католического ордена базилиан направили обстоятельную докладную записку в Ватикан и Вену, где требовали перевести всех униатов Холмщины, перешедших из православия в католицизм латинского обряда, в греко-католический обряд. Украинское духовенство на своем съезде в Львове 27 марта 1918 г. высказалось против полонизации и латинизации Холмщины, заявив, что если в эту землю не вернется униатство, то это станет «живым свидетельством отсутствия опеки над святой унией» и уничтожит «идею распространения (католической. – М.Б.) веры на восток» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 23).

В данной связи польские иерархи с сожалением отмечали, что в католических кругах пока еще широко распространено убеждение в том, что с помощью «русинов» (украинцев) и униатской церкви можно достичь церковного объединения России с папским Римом. По их мнению, это свидетельствовало о незнании истинного положения дел в униатской церкви. Духовное состояние униатов чрезвычайно низкое, религиозное сознание выражено слабо. Это

характерно не только для простых прихожан, но и для части духовенства. Епископы напоминали о том, что во время обращения холмских униатов в схизму в 1863–1875 гг. греко-католическое духовенство Галиции «поставляло» в этот край «апостолов православия». Для убедительности своих слов они приводили высказывания православного епископа Евлогия, который во время захвата Галиции русскими войсками в 1914–1915 гг. призывал православное духовенство из Холмщины помочь обратить теперь в православие и население Галиции, ссылаясь на их услуги в прежние годы. «Приблизительно в 1870 г., – цитировали епископы Евлогия, – галицийские священники много трудились в Холмщине во время отделения ее от унии. Пусть же теперь холмские священники окажут братскую помощь Галиции» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 23).

Польские епископы указывали на то, что слабость униатской церкви лучше всего проявилась во время русского наступления в Галиции. В православие тогда перешли более 20 греко-католических священников. Незначительное число переходов они объясняли тем, что австрийское правительство сразу же после начала войны интернировало несколько десятков униатских священников. Другие же просто воздержались принять соответствующее решение, ожидая исхода войны (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 23–24). По словам епископов, главным мотивом, который использовали греко-католические священники для сдерживания прихожан от перехода в православие, был страх перед возможным возвращением австрийских войск в Галицию (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 25). В послании также отмечалось, что во время отступления русской армии из Галиции добровольно выехали в Россию 37 униатских священников из Львовской епархии и 24 – из Перемышльской (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 24).

Польские епископы упрекали униатских священников в том, что уже накануне войны целый ряд поветов в Галиции был просто «заминирован» православной агитацией (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 26). Не были редкостью паломничества местных униатов в православные церковные центры, например, в Почаев и Киев. В результате немало русинских районов было подготовлено к обращению в православие.

По мнению польских иерархов, греко-католические священники в Галиции прилагали все силы, чтобы униатская церковь как можно больше отличалась от римско-католической (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 26). Прежде всего они отказались от реформирования своей церкви в соответствии с решениями униатского собора 1720 г., нацеленными на отрыв греко-католиков от православия и «так великолепно воспитавшими холмских униатов с точки зрения религии» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 27). Если униатские ксендзы в Галиции и вводили богослужение, проводившееся в латинских костелах, то делали это, исходя из национальных или политических мотивов. Например, майское богослужение в честь Пресвятой Богородицы в униатских храмах начиналось даже в соответствии с григорианским календарем, чтобы прихожане греко-католического обряда, любившие это богослужение, совершаемое в польских костелах максимально торжественно, случайно не отправились в польский костел. Епископы осуждали униатских священников также за то, что в своих проповедях они не столько обращали внимание на религиозное наставление прихожан, сколько подчеркивали различия между греко-католическим и латинским костелами.

Это намеренное «очищение» греко-католического обряда от реформ, принятых в 1720 г., обрядовый консерватизм привели к тому, что различия между православной и униатской церквями стали незначительными. «Достаточно вспомнить, – писали епископы, – что в богослужебных книгах (униатов), так же как и в православных, говорится лишь о 7 Вселенских соборах¹, используется выражение "царь", которое у нас означает русского царя. (Униаты) молятся очень часто по примеру православных за светскую власть, потому что так (им) предписывают неизменные богослужебные книги. Зато за папу римского молятся редко, потому что это (требование) введено позднее. Постоянно используется слово "православный" вместо слова "правоверный", что приучает народ к православию, ведет его к нему. Внутреннее убранство в униатских церквях не отличается от убранства в православных. Униаты сохранили юлианский календарь, который является одним из символов соседней схизматической церкви. Культ евхаристии незначителен, зато культ икон, так же как у православных, бурно расцвел. Почитания мученика св. Иосафата² почти нет» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 27).

Авторы послания полагали, что «отвращение к нововведениям» из-за страха перед

полонизацией и латинизацией привело к тому, что униатская церковь в Галиции в значительной своей части стала «мертвой» и не сумела привязать свою паству к Риму так сильно, как это сделали благодаря своему реформированию униатские пастыри в Холмщине. Поэтому польские епископы не могли согласиться с тем, чтобы «наш польский народ в Холмщине, который после стольких мучений вступивший, наконец, в латинский костел, должен вопреки своей воле войти в униатскую церковь, а через нее вновь подвергнуться опасности со стороны православия» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 29).

В послании папе римскому обращалось внимание и на другие угрозы. Авторы, в частности, отмечали, что провозглашенная Украинская республика строится на «крайне социалистических принципах». Акт, объявлявший о создании нового государства, был одновременно и актом насилия, поскольку он предусматривал безвозмездную конфискацию земельной собственности, владельцы которой не обрабатывали ее своими руками, и объявлял эту землю собственностью всего трудового народа (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 29). По мнению епископов, эта незаконная социализация земли, находившейся в руках средних и крупных собственников, монастырей и церквей, целилась в основу порядка и общественного благополучия. В послании отмечалось, что эта реформа подрывала также польские позиции на Украине, где поляки владели около 38% территории, почти полностью подлежащих конфискации. Однако эту фразу из текста было решено убрать.

Епископов пугало также отношение украинского государства к религии. Тревогу, в частности, вызывал проект закона о венчании и крещении (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 30). Он вводил обязательные гражданские браки, позволял церковное венчание только после заключения гражданского брака. Проект разрешал также разводы. Если имелось обоюдное согласие сторон, то соответствующее постановление должно было принимать бюро записи актов гражданского состояния, в случае же требования развода одной из сторон решение принимал окружной суд. Кроме того, после расторжения брака жена могла носить свою девичью фамилию. Не делалось никакого различия между законными и внебрачными детьми. Религиозные обряды при крещении и погребении в проекте закона объявлялись факультативными.

Таким образом, отмечали епископы, общественная жизнь на Украине в результате всех этих изменений будет совершенно дезорганизована. В письме приводился фрагмент воззвания к холмскому населению Украинского союза освобождения Холмщины, состоявшего, по словам авторов, из галицких украинцев, со штаб-квартирой в той же Галиции. «Идите с нами..., – цитировалось в документе, – не будет у нас земли ни господской, ни крестьянской. Вся земля будет гминной, государственной и по справедливости держать (землю) будут все, раз лучше, раз хуже, а наша Украинская Рада в Киеве ровно будет (землю) назначать... Не будет платных венчаний у ксендзов, а кто захочет, тот у нашего украинского войта³ бесплатно получит (заключение о браке). Закончится господство польских костелов и польских ксендзов» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 31).

В послании указывалось также на намерение гетмана П. Скоропадского утвердить на Украине православную религию в качестве государственной. «Мы все знаем, – писали епископы, – каким нетерпимым является православие как государственная религия и как оно старается исключить и ликвидировать все чуждые элементы. В течение почти 200 лет православие вело борьбу с унией и уничтожило ее. Мы можем обоснованно опасаться, что с момента, когда ситуация на Украине стабилизируется и установится правительство, опирающееся на православные массы крестьян, оно снова будет стремиться уничтожить католическую религию, которая не захочет во всем быть орудием государства. От новых преследований и опасности подвергнуться оправославливанию мы, польские епископы, хотим и дальше защищать холмское население и считаем это нашей самой святой обязанностью» (WAPO. Т. 127. 45/155 [8]. К. 31–32).

Таким образом, в польско-украинском споре о принадлежности Холмщины использовались разнообразные средства, в том числе церковные структуры. Украинские иерархи греко-католической церкви стремились привлечь на свою сторону общественное мнение в Европе в отстаивании права Украины на Холмщину. Польские епископы в обосновании польского характера этого края прибегали к дискредитации украинской греко-католической церкви в глазах Ватикана, представляли ее как ненадежную организацию, подверженную чуждому, православному, влиянию. Обращение к папе римскому должно было дополнительно послужить защите польских национальных интересов в Холмщине и, возможно, косвенно повлиять через церковные каналы на позицию центральных держав, в первую очередь католической Австрии, по вопросу о территориальной принадлежности

Холмщины в нужном для поляков направлении.

Как известно, несмотря на заключенные в Брест-Литовске соглашения, украинским властям так и не удалось взять под свой контроль Холмщину. Правительство Австро-Венгрии не допустило на территорию пяти поветов Холмской губернии, оккупированных австрийскими войсками, украинскую администрацию [Исторія України, 2002, с. 243]. Униатский митрополит А. Шептицкий обвинит поляков в «преследовании украинского народа в Холмщине, особенно в церковной сфере» (Memoriał metropolity..., 2004, s. 455). Польские епископы со своей стороны будут возлагать значительную долю ответственности за рост напряженности между двумя народами именно на униатское духовенство, воспитавшее, по их словам, украинцев в духе крайней ненависти к латинству и польскости (Memoriał metropolity..., 2004, s. 466–467). Конфликт между поляками и украинцами перерастет в кровопролитную войну. Однако перед лицом советской угрозы власти Украинской народной республики будут вынуждены в апреле 1920 г. заключить мирный договор с Польшей и отказаться от претензий на ряд западных территорий, в том числе на Холмщину, в пользу польского государства. В дальнейшем согласно подписанному 18 марта 1921 г. мирному договору в Риге между РСФСР и Украинской ССР, с одной стороны, и Польской республикой – с другой, эта область будет окончательно закреплена за Польшей.

Примечания

¹ Католическая церковь к началу XX в. признавала 20 Вселенских соборов.

² Иосафат Кунцевич – один из ведущих деятелей греко-католической церкви первой половины XVII в., униатский святой.

³ Войт – чиновник местной администрации.

Список источников

Повідомлення про проведення свята мира й української державності у Львові та про проголошені на ньому вимоги створення української державності в Австрії з українських областей Галичини і Буковини // Добржанський О., Старик В. Змагання за українську державність на Буковині (1914–1921 pp.): Док. і матер. Чернівці, 2009.

Wirtualne Archiwum Polskich Ormian (WAPO). Spuścizna abpa Józefa Teodorowicza. T. 127. 45/155[8]. URL: http://www.archiwum.ormianie.pl/pliki/Korespondencja_JT/Wychodzaca/benedykt_xv_papiez_001.pdf/ (дата обращения: 18.05.2016).

Hoffmann M. Der Krieg der versäumten Gelegenheiten. Leipzig, 1929. URL: <http://digi.landesbibliothek.at/viewer/image/AC05602296/1/> (дата обращения: 18.05.2016).

Jaworski W.L. Diariusz. 1914–1918. Warszawa, 1997.

Memoriał metropolity lwowskiego obrządku łacińskiego Józefa Bilczewskiego o relacjach ukraińsko-polskich w Galicji (Małopolsce) Wschodniej w latach 1914–1920 // Folia Historia Cracoviensia. 2004. T.10. URL: <http://czasopisma.upjp2.edu.pl/foalihistoriacracoviensia/article/view/1264/1168/> (дата обращения: 18.05.2016).

Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Herrenhauses des Reichsrates. 1917 bis 1918. XXII. Session am 28 Februar 1918. Wien, 1918. URL: <http://alex.onb.ac.at/cgi-content/alex?aid=sph&datum=0022&page=979&size=45/> (дата обращения: 18.05.2016).

Witos W. Moje wspomnienia. Warszawa, 1998. T. 1, cz. I.

Библиографический список

Исторія України. Київ, 2002.

Польша в XX веке: Очерки политической истории. М., 2012.

Мухомина И. Украинский Брестский мир. М., 2007.

Czubiński A. Dzieje najnowsze Polski do roku 1945. Poznań, 1994.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.08.2012

**POLISH-UKRAINIAN DISPUTE ON TERRITORIAL ALLEGIANCE
OF THE Kholm REGION AT THE FINAL STAGE OF WORLD WAR I
(FROM CORRESPONDENCE OF THE POLISH EPISCOPATE
WITH VATICAN)**

М. А. Булахтин

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
bulachtin@yandex.ru

The multinational territory of the Kholm region was recognized as a part of Ukraine after the negotiations between the Central Powers and the Ukrainian People's Republic in Brest-Litovsk in 1918. The decision caused resolute protests among both the Polish politicians and the Polish public. The church was also involved in the Polish-Ukrainian dispute on the territorial allegiance of the Kholm region. The secession of the Kholm region from Poland was opposed by the Polish episcopate. The Polish bishops proved the Polish nature of the region in the memorandum to the Pope Benedict XV. They also proved historical, national and religious rights of Poles to the Kholm region. They criticized the Galician Ukrainians belonged to the Greek Catholic Church who tried to restore the positions of the Church in the Kholm region and supported its accession to the Ukrainian state. The cooperation with the Russian authorities during the destruction of the Greek Catholic Church in the Kholm region in the 19th century, the opposition to the growth of Roman Catholic influence to the Greek Catholic Church in Galicia and close connections between the Greek Catholics and Orthodox Christians were among the points the Polish bishops accused them of. The bishops also believed the Kholm's accession to Ukraine would create the threat of conversion of the local Polish population to the Orthodoxy. Finally, the Brest arrangements on transfer of the Kholm region to Ukraine havenot been realized. The region remained the part of Poland.

Key words: Poland, Ukraine, Kholm region, Polish bishops, Greek Catholics.

References

Istoriya Ukrainy. Kiev, 2002. 472 p.

Mikhutina I. Ukrainskiy Brestskiy mir. Moscow, 2007. 288 p.

Polsha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii. Moscow, 2012. 952 p.

Czubiński A. Dzieje najnowsze Polski do roku 1945. Poznań, 1994. 678 s.